

MEMORY

ИПОСТАСИ ФИЛОЛОГА

Этой зимой скончался Владимир Петрович Тарсуков (6.10.1947 – 25.01.2025), филолог, вузовский преподаватель, школьный учитель, библиофил. В разные годы он работал в Самарском педагогическом университете, в Самарском муниципальном университете (Наяновой), в городских гимназиях и школах.

Мы предлагаем вниманию читателей своеобразный мемориальный диптих, написанный С. А. Голубковым и Г. Ю. Карпенко и посвященный этому удивительному человеку, талантливому педагогу, тонкому ценителю многомерного искусства слова, наблюдательному читателю, бесконечно влюбленному в литературу и преданно ей служившему на протяжении всей своей жизни. Многие поколения студентов и школьников помнят его страстные лекции-монологи, за словами которых ощущалось биение его неравнодушного сердца.

Сергей Голубков¹

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева (Самара, Россия)*

ОБЛАДАНИЕ БЕЗУСЛОВНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ХАРИЗМОЙ

Авторитет книжника

Осенью 2017 года я опубликовал в самарском периодическом издании «Свежая газета. Культура» статью «Живет в городе увлеченный книжник... (Штрихи к портрету)», посвященную 70-летию Владимира Петровича Тарсукова. В заглавии статьи не случайно было вынесено слово «книжник». В этом слове есть оттенок сакральности в отношении к литературном тексту и к книге. Собственно, филолог – это и есть склоненный в благоговейном поклоне над текстом книжник.

¹ Сергей Алексеевич Голубков – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. E-mail: golubkovsa@yandex.ru.

Во все времена на Руси был велик авторитет книжника. Правда, в последнее время, в эпоху нарастающего господства визуальных форм культуры, книга несколько сдала свои позиции, и уже не скажешь об отечественной культуре как о сфере преимущественно литературоцентричной. Да и наша филология, всегда глубоко укорененная в культурную почву, вдруг стала предметом странно болезненных забот и тревог, так сказать, «лицом страдательным». Ведутся споры о «сумерках», «осени» филологии (вспомним серию известных публикаций на страницах «Нового литературного обозрения»). Наверное, это не случайно. Перестав быть прежним «идеологическим оружием», Олимпом «властителей дум», литература и филология, ее изучающая, оказались представленными самим себе, стали в глазах общества чем-то маргинальным, несущественным, «вещью в себе» и «для себя».

Однако признаемся: хотим мы этого или не хотим, но филология будет всегда, пока есть текст, требующий своего адекватного осмысления, скрупулезного прочтения-погружения. А поскольку поток пишущих отнюдь не иссякает и тексты все создаются и создаются, постольку и в их профессиональной рефлексии есть насущная потребность, есть свой смысл.

И филология, и филологи бывают разными. Поговорим об одном таком Случае-феномене. В преддубилейные дни, в канун своего семидесятилетия вступил известный в Самаре педагог, филолог и библиофил Владимир Петрович Тарсуков. В его профессиональной жизни было все то, что есть в жизни многих филологов – учеба в вузе, московская аспирантура, долгие годы преподавания в средних школах, гимназиях, в педагогическом институте, в Самарской областной академии (Наяновой). История нашего знакомства-дружества перевалила за 50 лет. Даже не верится, что уже приходится оперировать такими немалыми числами! Мы учились в шестидесятые годы на одном курсе в педагогическом институте, слушали прославленных ученых-филологов. Вдохновенно читал свои лекции о В. Маяковском и А. Блоке, вставая на цыпочки и по-ораторски потрясая рукой, громогласный и неутомимый И.М. Машбиц-Веров, чрезвычайно популярный у тогдашнего факультетского студенчества. Размеренно выстраивал учебный материал по исторической грамматике неторопливый А.А. Дементьев. Лилась ручейком обстоятельная речь профессора Я.А. Ротковича. Знакомили с тайнами чешского языка супруги Гребневы. Настоящим подарком судьбы была для Владимира Тарсукова встреча с профессором С.В. Фроловой, под руководством которой он писал курсовую работу по ономастике, опираясь на материал местных так называемых «ревизских сказок» прошлых столетий. Серафима Васильевна имела настоящий дар вдохновлять студентов на научный поиск, щедро открывала перед ними заманчивые перспективы. Первая статья ее курсовика вышла не где-нибудь, а в автори-

тетном московском академическом сборнике. Правда, языковедческие штудии студента не имели продолжения, не определили основное направление профессиональной деятельности молодого филолога. Его увлекало литературоведение.

Сколько помню, Владимир был «своим» в царстве книг, в библиофильской самарской тусовке тех лет. Визиты в букинистический магазин на Ленинградской были почти ежедневным ритуалом. В тогдашнем «Букинисте» можно было постепенно, томик за томиком, приобрести собрания сочинений писателей. У каждого библиофила была неременная записная книжечка, куда заносились номера покупаемых отдельных томов. Памятна наша поездка в Пензу. Как-то однокурсница сообщила, что в пензенский букинистический магазин кто-то сдал целую библиотеку изданий 1920-х годов (надо учитывать, что в 1960-е годы на волне «оттепели» возник жгучий интерес к работам русских формалистов). Мы внезапно сорвались в Пензу, правда, в тамошнем «буке» (как мы любовно называли букинистические магазины) уже ровным счетом ничего не обнаружили, мы разочарованно бродили по другим пензенским книжным магазинам, кое-что купили из книг, да еще угодили второпях на неосвещенном перекрестке в лужу, искали в продаже одежду щетку, чтобы стряхнуть засыхавшую грязь, в эпоху дефицита там щеток «не водилось», взамен купили жесткие малярные кисти, много смеялись... Что и говорить, еще на дворе беззаботное студенческое время и нет нынешней седины!

Библиотека Володи прирастала полками, которые он сооружал сам. Он всегда имел явное пристрастие к столярным работам, унаследованное от отца, профессионального столяра. Дерево дарило ему живое тепло, ошкуренная до безупречной гладкости полка отвечала взаимностью своему мастеру. Стеллажи, стеллажи... Сотни, тысячи книг стали теми веточками и прутиками, с помощью которых сплетает свое гнездо влюбленный в литературу гуманитарий.

Филология, что в ее литературоведческом изводе, что в лингвистическом, может быть делом, результаты которого выражаются в защищенных диссертациях, опубликованных книгах и статьях, различных обзорах и отзывах. Но может стать и деятельностью несколько иного плана, деятельностью не менее значимой и серьезной, так сказать, «чреватой» интересными открытиями, наблюдениями.

Филолог как собеседник

Случай В.П. Тарсукова именно таков. До диссертации и книг дело как-то не дошло, статей написано немного. Но немалые профессиональные обретения нашлись в другом – в научно состоятельном живом общении. Это своеобразное сократическое искусство *собеседования*, рассчитанное на формат, который можно определить выражением «глаза в глаза». Общение не с далеким

читателем, а с непосредственным живым собеседником. Владимир Петрович – человек, владеющий тонким искусством страстного и пристрастного монолога. Причем, такой монолог имеет скрытую диалогическую природу – он побуждает так или иначе эмоционально отозваться на сказанное, согласиться или возразить. Секрет притягательности Тарсукова-лектора, педагога в его максимальной увлеченности тем литературным произведением, о котором он в данную минуту ведет речь. Я бы назвал эту увлеченность *одержимостью* в самом высоком значении слова. Увлеченность заразительна, высокий коэффициент такой заразительности делает лектора личностью харизматичной, умеющей «обращать в свою филологическую веру» молодых слушателей. Конечно, увлеченность сродни влюбленности, она бывает непостоянной, переменчивой. Менялись пристрастия, связанные с теми или иными писательскими именами, конкретными текстами. Я помню страстное увлечение Владимира лирикой раннего Маяковского. Это было в годы педагогической работы в куйбышевской школе № 88 (позже ставшей гимназией № 2), где Владимир Петрович успешно вел ученический литературный театр. В аспирантские годы Тарсуков не на шутку увлекся романтически окрашенной прозой 1920-х годов. А потом накатывали волны влюбленности в поэзию Иннокентия Анненского, Велимира Хлебникова, Анны Ахматовой, Виктора Сосноры. Уже в совсем недавнее время был памятный год, когда Владимир систематически, день за днем, читал и перечитывал «всего» Блока и «все» блоковедение, обрстая своими читательскими впечатлениями, филологическими наблюдениями и оценками. А интересные разговоры о Державине, Пушкине, шолоховском «Тихом Доне»! И это все, оседая в памяти, укрепляло мировоззренческий фундамент педагога-филолога.

Потому и можно без сомнений сказать, что Владимир являет собой цельную личность, явленную в совокупности своих самостоятельных историко-литературных оценок, эстетических вкусов, читательских предпочтений. Духовный багаж Тарсукова-филолога – это отнюдь не сундук, доверху набитый всякой всячиной – случайно припомнившимися цитатами, фабульными схемами, чьими-то аналитическими построениями, разными вольными «измышлизмами», как это порой бывает у поверхностно мыслящего гуманитария, нахватавшегося наспех приобретенных знаний и щеголяющего модными словечками и наукообразными сентенциями. Нет, его эрудиция другого сорта. За многими фразами педагога стоят годы неустанных размышлений, годы многократного дотошного перечитывания, казалось бы, хорошо известных текстов.

Литература как царство живого слова

Цельность личности Владимира Петровича обеспечивает его незыблемая вера в **органичность** литературного творчества. Я считаю, это главным принципом Тарсукова-филолога. Для него литературное произведение отнюдь не простая машинерия, не ловко смонтированный холодный механизм, подчиненный чисто рациональным соображениям. Нет, для него литературное произведение – это, скорее, трепетно дышащий организм, **порожденный** и **выращенный** художником-творцом. И Владимир Петрович хорошо чувствует внутренние токи и импульсы этого живого литературного организма, которые проступают в отдельных словесных деталях, интонационных перебивах, в скрытой усмешке повествователя.

Тарсуков-филолог так же внимательно вслушивается в органику литературного текста, как он, скажем, вслушивался в органику капризного стремительного речного потока во время своих разнообразных байдарочных походов-сплавов. А их, этих походов, было у него более сорока! С непременно затяжным сидением у костра, с созерцанием изменчивых языков пламени. Наверное, во всех этих стихиях – воды, огня, творчества – есть что-то общее, необъяснимо манящее и влекущее. Литература открывает перед ним горизонты, как их открывали в поездках Саяны и Урал, озерная Карелия, родное степное Поволжье. Творчество только тогда по-настоящему оправдано и приобретает особую значимость, когда оно обнаруживает незримые органические связи со всем сущим.

В любом старом городе постепенно, из века в век, из года в год, формируется специфическая **гуманитарная среда**, придающая городу неповторимость его облика. В созидании такой тонкой, но прочной духовной ткани принимают посильное участие местные педагоги, журналисты, музейные работники, актеры, увлеченные подвижники. И находящиеся с ними в состоянии непрерывного содержательного диалога друзья, коллеги, ученики и последователи выражают им за это свою благодарность. Владимир Петрович Тарсуков поистине счастлив в своих друзьях и учениках, а это значит, что его страстные монологи во славу литературы не прошли даром.

Мы с ним дружили с 1966 года. В последние годы мы несколько друг от друга отделились, как это бывает в старости. Он замкнулся, ушел в себя. А в последний год, он, можно сказать, готовился к уходу. Мысль о смерти все время присутствовала в его сознании. Похоронили его в могиле матери. Могила отца рядом. Он тщательно ухаживал за могилами родителей, собственноручно сделал капитальные деревянные кресты с голубцом каждый. А теперь они все там вместе, и это по-христиански хорошо.